

ЦЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В.А.СУМБАТОВА

Л.Ф.Алексеева

THE PURPOSE OF LIFE AND HISTORY IN V.A.SUMBATOV'S ARTISTIC INTERPRETATION

L.F.Alekseeva

Московский государственный областной университет, modernen@mail.ru

Статья посвящена прояснению одного из центральных религиозно-нравственных вопросов, организующих художественный мир Сумбатова в целом, — о провиденциальном смысле человеческой жизни и исторических событий. Наблюдения над текстами представляют собой аналитический обзор избранных стихотворений («Море и реки», «Странник», «Стансы», «Думы», «Другу», «Голоса тишины», «Пушинку с семенем в окно...», «К цели») и завершаются обращением к лаконичным строчкам о судьбе России в стихотворном романе «Русская Держава».

Ключевые слова: *лирический герой, исторические катаклизмы, притчеобразный сюжет, сонетоподобное стихотворение, трагедия России, Господний гнев, духовная радость*

The article is devoted to the explanation of one of the central religious and moral issues, organizing Sumbatov's art world as a whole — a providential meaning of human life and historical events. Text observations represent an analytical review of selected poems ("The sea and the rivers", "The Wanderer", "Stanzas", "Thoughts", "To a friend", "Voices of Silence", "A fluff with a seed out of the window...", "To a purpose") and end with an appeal to the laconic lines about the fate of Russia in the poetic novel "Russian Power".

Keywords: *Lyrical hero, historical cataclysms, the parable-shaped plot, a poem like sonnets, Russian tragedy, the Lord's anger, spiritual joy*

В многогранном творчестве В.А.Сумбатова, в произведениях прозы, поэзии, драматургии, в переводах и переложениях древних текстов, на разных стадиях творчества вопрос о цели отдельной человеческой жизни и общей направленности истории возникал неоднократно. Пути народов, государств, художников, воинов, полководцев, поэтов (в том числе своего собственного) — осмыслены художником слова через реалистические и притчевые сюжеты, развернутые сравнения, метафоры, символические зарисовки. Особенно остро эта проблема заявила о себе в творчестве 1920-х годов, но оставалась в центре внимания и в последующие десятилетия, постепенно находила всё более выразительное осмысление.

Уже в начале эмигрантского пути, в 29 лет, после выхода первого сборника стихов в одном из писем к Персиани, которому он посылал из Рима в Белград новые произведения, помещено сонетоподобное стихотворение «Море и реки». Текст представляет собой шестнадцатистишие (в отличие от сонетной строфы из четырнадцати стихов). Противостояние двух внутренне антиномичных частей в нем прочитывается как итог мыслительной работы, приобретший форму, близкую притче. Соотношение природно-географического плана и философско-духовного воспринимается как некое открытие-откровение, на первый взгляд, отнюдь не оптимистическое. Речь идет здесь о неостановимом движении, у которого есть какая-то непостижимая цель:

Покорны разуму природы,
В моря, уже который век,
Со всех сторон стремятся воды
Неисчислимых пресных рек<...> [1, с. 317].

Притчеобразный сюжет здесь симметрично разделен границей ровно посередине, антиномичны друг другу оба четверостишия в каждой половине. Аналогия противостояний рождает яркую и глубокую мысль о стабильности человеческого движения к некоему скорбному пределу. Первоначальное предположение, что пресные воды, руководимые «разумом природы», изменяют состав океанской воды, не находит подтверждения: «не преснеют бездны моря». Повторяется буквально в финальной строке второго и четвертого катрена слово «горька», отражающее несправедливость, стабильную прочность препятствий к радости (торжеству «пресных» — «живоносных» — источников).

Веленью Божию покорна,
Извечна радости река,
Светла, тепла и животворна,
Стремится в жизнь издалека<...> [1, с. 317].

Аналогия пресной воды с рекой радости, управляемой «веленьем Божиим», подводит к печальному, почти буддистскому резюме: «жизнь, как прежде, беспросветна, / Мутна, горька и холодна». Сам по себе образ моря (или океана) был подробно разработан в русской классической поэзии XIX и XX веков. Достаточно вспомнить пушкинские «Арион», «К морю», лермонтовский «Парус», блоковский «Соловьиный сад». У Сумбатова море символизирует не пучину народной жизни, не мятежную противоположность личному счастью, не «зловную» стихию (как у Кузмина во «Враждебном море», посвященном В.Маяковскому), но некое изначально заданное пространство, с его особенным химическим, а в переносном смысле и духовным содержанием, изменить ко-

торое пресная река (человеческая воля) не в состоянии. Поэтом подчеркнута и покорность человека велению Божию, ведущему к радостной цели, и легковесность человеческих мечтаний о всеобщем земном благоденствии.

Перекликается «Море и реки» с сонетом «О былом», в котором противостоят две динамичные картины: приветствия коленапреклоненным народом Царя и — предательства соотечественниками «Монарха и Отца». Тогда «над дворцом / Взвился кровавый флаг измены и насилья», а страна оказалась «покинутой Творцом» [1, с. 333]. Перелом происходит неожиданно, в некий незамеченный прозорливцами день. День надежды отодвинут в прошлое днем глобальной перемены, после чего древний путь России (святой Руси) уходит в безбожный хаос.

Размышления Сумбатова о движении истории и перипетиях жизни отдельного человека питались историософскими, религиозными, социально-историческими, нравственно-этическими, эмоционально-психологическими истоками. Необходимость обдумать направленность частного и общего пути, убедиться в его верности возникала не однажды, поскольку с юности Сумбатов переживал трагедию России, ввергнутой в лоно Господнего гнева.

Ощутить себя странником на закатном пути Отечества, испытать разочарования и отчаяние выпадало не однажды на долю русского поэта XX века, участника двух войн, ещё не знавшего, что выпадет на долю и исполнение воинского долга перед Родиной — в третьей:

Я шёл по трупам, средь огня,
Не смея посмотреть назад,
А по дороге вкруг меня
Стучал свинцовый град [1, с. 343].
(«Странник»)

В испытаниях исторических катаклизмов лирический герой претерпел неизмеримые страдания, однако в их горниле выковывалась мужественная личность, находящая источник силы внутри себя: «Что суд людской тому, кто прав перед собой?» [1, с. 343]. Человек, не лгущий «искреннему своему», приближался к божественной Истине. Господь представлен в стихотворении «Странник» не только как мощная сила, которой движется жизнь, но и как низвергатель гнева, по отношению к индивидуальной судьбе как будто слишком грозный (по обыденным меркам — несправедливый):

Искал я правду много лет, —
Нашел — обманы, гнев, печаль [1, с. 343].

Мысль о беспомощности индивида, отвергнутого современниками, соотносится с обобщением, что не только одному человеку, но и целому поколению не под силу разгадать сокровенную тайну предназначения.

Нам цели жизненной осмыслить
Судьбой жестокой не дано, —
Нам только думать, мерить, числить
И ошибаться суждено.

Мы на земле — как отблеск чуда,
Непостижимого умом, —

Зачем живём? Пришли откуда?
Кому нужны? Куда уйдём? [2, с. 122].

(«Думы»)

Между тем, для поэта несомненно, как и для ветхозаветного Иова, что Божественная сила, даже грозная, — благо духовное: «Но сил утраченных не жаль / И свой исполню я обет: / Зову людей в святую даль, / Где Правды вечный свет» [1, с. 343]. Итог этих благородных устремлений — особенное отсутствие страха перед земными угрозами: «Тому, кто видел Божий гнев, — / Не страшен гнев людской» [1, 344]. Здесь то состояние, которое запечатлено в 22 псалме: «Аще бо и пойду посреде сени смертных, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста» [3, с. 144].

Чтоб понять, какова была цель пережитого, герой-мыслитель пристально вглядывается в страницы прошлого. В аналитическом обзоре мятежных лет прошлое видится Сумбатовым как оплот, порушенный бесовским вмешательством в течение жизни. «Злые духи» самой истории управляли движением «годов разрухи», что сопровождалось всяческими разделениями, муками и смертями:

С сестрою — брат, с отцами — дети,
Жених — с невестой, с другом — друг
Разъединялись в годы эти
Мятежным вихрем злобных вьюг [1, с. 327].
(«Прошлое»)

Тема обрыва пути возникает как трагический излом общенациональной и частной судьбы. Местом и средством преодоления этого хаотического разрушения оказывается человеческая душа. Живое воспоминание о встречах и разлуках предстает в лирике поэта как особое духовное сопротивление беспамятству.

И редко-редко в сумрак муки
Вливался счастья слабый свет<...> [1, с. 327].

Короткая баллада, близкая к романсу, — «Другу» («В степи житейской, в поздний час...») — отражает неутраченную боль разлуки тех, кого божественное провидение сблизило в метельном хаосе исторических бурь, но непрочным, кратковременным оказался этот союз: «И разлучили вихри нас / И мы проститься не успели». Не случайно финал стихотворения содержит вариативную строчку начала, почти повтор, в котором выражено не столько сожаление, сколько уверенность в невозможности разрыва того, что бессмертно соединилось:

<...> Горько плачу я, когда
Припомню, как среди метели
Мы разлучились навсегда
И попрощаться не успели [1, с. 321].

Сама выразительность сцены не состоявшегося прощания животворит светлый мотив кратковременной встречи, скрытым фоном для которой является духовная радость бессмертной любви.

В стихотворении «К***» («Ты — белоствольная берёза...») продемонстрирована осознанная автором отсылка к лермонтовской метафоре, ее трагическому содержанию. Лирический герой отождествляет себя с листком, который «оторвался от ветки родимой»: «Я — лист оторванный, сухой...» [2, с. 121]. Родное дре-

во хранит свою красоту и в зимние холода, готовясь к весеннему воскресению, участь же одинокого листка, улетевшего от кроны, печальна: «Меня прохожий сапогами / В грязи дорожной растоптал...». Будущее одинокого изгнанника бесперспективно: «И солнце огненным лобзаньем / Не воскресит меня весной» [2, с. 121].

Ищущая и исполненная веры в силу жизни мысль поэта искала опору в обращении к реалиям, непостижимым логикой, зато угадываемым интуицией. Дар животворящей памяти и долговечного искусства иногда мыслились поэтом как объективная неизбежность сохранения того, что имело место в прошлом: все однажды прозвучавшие голоса, слова и мелодии незримо присутствуют в таинственной тишине духовной составляющей мироздания: «Всё, что когда-то пропето и сказано, / Вечно в пространстве звучит» [2, с. 117]. Поэт прибегает к приему градации, перечисляя различные звуки прошлого, наполняющие молчаливую ауру современности: «вечно звучать суждено» «Песне разбойничьей, вздохам молитвы, / Волчьему вою и детскому лепету, / Шелесту струй обо дно, / Прялки жужжанию, грохоту битвы, / Малой былинки чуть слышному трепету...» [2, с. 117]. Людям искусства, поэтам дана способность воспринимать и запечатлевать эти неумолкающие голоса былой жизни, видеть в этом особую цель своей земной деятельности:

Счастливы смертные, в трепетном хоре
Прошлые были душой уловившие,
Всё пережившие вновь,
В песни облекшие радость и горе... [2, с. 117-118].

(«Голоса тишины»)

Сомнения в благой предначертанности пути сменяются, а иногда соседствуют с верой в путеводную звезду, которой известна благая перспектива («Звезда»):

Райским пламенем охваченная,

Ты меж тучами зажглась,
Чтоб дорога, мне назначенная,

В темноте не прервалась [1, с. 324].

Жизненный (особенно беженский) опыт открывал загадочную закономерность: человеку свойственно дорожить прошлым, независимо от того, было оно благополучным, радостным, спокойным, или — мятежным, скорбным, трагическим. За этим стоит религиозное чувство приятия всего, что совершается, чувство присутствия во всём воли Бога. Эта особая связанность жизни «здесь и теперь» с предшествующими страницами личного и общего бытия определяет направленность новых устремлений. Однако далеко не все чувствуют ответственность за следующий шаг, и тогда в этой обращенности назад есть опасность утраты цели, которая вдохновляет человека в его продвижении вперед. Путь идейной концентрированности на прошлом Сумбатов не только понимал и оправдывал как духовную верность идеалу, но и осознавал его порочность, резко обнажал несовершенство, поскольку прикованность к ушедшим годам

уводила современников, в особенности эмигрантов, от созидательных усилий в область мечтаний о возврате потерянного времени. Подобного рода психология людей, утративших будущее, выразилась в стихотворении «Стансы», опубликованном в Белграде в газете «Новое время» в 1928 г. Лаконичные строки текста звучат весьма самокритично: «<...>Лежим в пыли воспоминаний, / Как на покое старики [4]. Обращенность молодых людей к прошлому, неумение или невозможность продвигаться вперед вызывает недоумение, желание понять причину бездеятельности, ведущей к тупиковому финалу:

Иль нас житейская гроза
Навек громами оглушила
И пылью бед запорошила
От слёз усталые глаза? [4].

Оптимистические версии перебивались раздумьями о невозвратимости утраченного, светлые упования сменялись унынием и печалью.

<...>И наших дел и мыслей семя
На поле, взрытом суетой,
Растопчет ветреное время —
Тысячелетнюю пятой [2, с. 122].

(«Думы»)

Вопрос о цели и бессмысленности жизни целых поколений приобретал кардинальную значимость, выходил за рамки только личной проблемы. В поэтическом мире художника она становилась своеобразным центром всех наблюдений и мыслительной работы. Доводы и контрдоводы сменяли друг друга, оставляя проблему недоразрешенной, ввергавшей героя в недоумение, с которым он не хотел оставаться и возвращался к новым попыткам додумать то, что имело неутешительный результат. Голова как будто соглашалась с удручающим выводом, а сердце мириться не желало:

Зачем же мы в бессмертье верим,
Живём, надеясь и любя,
И бездны тайн умами мерим,
Не разгадав самих себя? [2, с. 122-123].

Раздумья о курьезах индивидуальных судеб во многих произведениях Сумбатова ложатся на фон общей философии истории. В связи с этим появляются сюжеты, посвященные войнам, вообще мимолетности не только жизни человека, но и существованию народов и цивилизаций. Жизненную энергию, вопреки сомнениям в целесообразности действий, питал художнический долг воссоздать правду о прошедшем в словесном произведении искусства. Новой для поэта становится задача объективно, т.е. с отдаленной позиции, достигнув «внеаходимости» (слово М.Бахтина), описать хотя бы некоторые яркие эпизоды своей биографии и событий, ввергавших поэта и его ровесников в свой водоворот. Эпическим спокойствием отличаются интонации стихотворного романа в «отрывках» «Русская Держава»:

Судьба! Тужи иль не тужи,
А не вернёшь никак былого!
И всё же, хочется мне снова
Былого свиток развернуть... [5, с. 112].

Рождается постепенно понимание — скорбное — невозможности обратить историю вспять, несмотр-

ря на верность ценностям ориентирам уходящей эпохи. В «Русской Державе» поэт как будто прощается с тем, что составляло цель его деятельности:

Пришли иные времена, —
Краса былая не нужна,
Как не нужна былая слава,
Как не нужна былая честь!..
Потерь и бед — не перечеть, —
Упала Русская Держава
И придавила нас собой..
Прощай, былое! Бог с тобой!.. [5, с. 113]

Можно предположить, что Сумбатов занимает позицию фаталиста, который не учитывает человеческой активности, его возможности сопротивляться злу, кажется, ему близка идея Экклезиаста: «всё суета сует и всяческая суета». «Как будто мы без всякой цели / Отягощаем мир собой / Кружась на пёстрой карусели, / Передвигаемой Судьбой» [2, с. 122].

Удручало духовное состояние общества, массовое безбожие, утвердившееся в XX веке. Всё говорило о том, что устройство царства небесного на земле не только не в состоянии преодолеть смерть, но, несмотря на привлекательные революционные идеалы, оборачивалось торжеством гибели. Монолог желающей «осчастливить все народы», умеющей на всё и всем дать ответ Смерти звучит как издёвка над чарующим умы лозунгом свободы, равенства и братства. Цель персонифицированной злой силы — погубить заблудших:

Лишь я одна решение знаю, —
Я примирю умы и силы:
От жизни всех освобожу,
Всех без различия сравню
И рядом в братские могилы
На вечный отдых положу [1, с. 347].

(«Свобода, равенство и братство», 1932 г.)

Саркастические строчки лаконичного стихотворения продолжают клеймить начатый европейцами и продолженный россиянами атеистический путь, чему в 1921-1922 гг. Сумбатов посвятил поэму «Без Христа». Исторические события, как было замечено многими художниками и мыслителями, имеют склонность повторяться. На глазах у Сумбатова развёртывалась трагическая история Первой мировой войны. Европа, выйдя из огня одной мировой войны, готовилась ко второй, ещё более жестокой. Обе были развязаны атеистическим Западом, постоянно совершенствовавшимся науку истребления людей с помощью «высокоразвитой» техники.

Во многих произведениях, написанных (или доработанных) в 1940—1950-е годы, поэт специально заостряет проблему различия добра и зла, прибегая к поэтическому изображению ярких природных картин, событий, происшествий, лирических переживаний. Раздумья о человеческом поведении в условиях страшного давления на личность исторических обстоятельств, не оставляли Сумбатова и после Второй мировой войны, в которой бывший ротмистр царской армии участвовал, спасая многочисленных русских военнопленных, привлекая к этому оказавшихся в Италии соотечественников.

Из этого опыта рождались новые художнические открытия. Гуманное, а иногда просто мягкотелое стремление поддерживать всех слабых и случайно встреченных страдальцев иногда непреднамеренно ведет к тому, что прежде беспомощное наливается опасной силой и угрожает самому существованию культуры, грозит гибелью истинной красоте. Человек не может воспринимать современное земное общество как вполне созревшее для царствия небесного. В нем много несовершенного, и потакание несовершенству, неумение разгадать порочные, корыстные устремления слабого существа способствует нередко укреплению зла*. Своеобразную форму самоосуждения-раскаяния являет собой стихотворение «Пушинку с семенем в окно...» (включено в книгу стихов 1957 года, изданную в Милане).

Пушинку с семенем в окно
Трамвая бросил резвый ветер,
И я один её заметил
И спас от гибели зерно [1, с. 176].

Дикое семя нашло приют в горшке, где «лилия всходила». Казалось бы, совершилось нечто прекрасное, в этом поступке проявилась любовь к «ближнему»... А результат этой жалости оказался непредсказуемо удручающим:

Но после я грустил, узнав,
Что лилий заглушил отростки —
Зерном рождённый — серый, жёсткий
Крепыш-плебей из сорных трав [1, с. 176].

Что стояло за этой притчей? Какие исторические реалии? Не исключено, что отправной точкой создания стихотворения были события, связанные с деятельностью участников сопротивления немецким нацистам в Италии. Бывший курсант военного училища, эмигрировавший в годы Гражданской войны Алексей Николаевич Флейшер, в качестве шофера возивший до войны итальянского посла в Югославии, — оказался в лагере, откуда его вызволил Сумбатов, устроил на работу в Таиландское посольство, связал с партизанами и итальянскими коммунистами [см. 6]. Когда же военные действия окончились, Флейшер сдал всю группу сопротивленцев советскому майору, а после репатриации многих борцов с фашистами отправили в своей стране в лагеря, на принудительные работы. В их числе — священник из «Руссикума» Дорофей Захарович Бесчастный, о чем свидетельствует письмо последнего, сохранившиеся в архиве Флейшера в РГАЛИ [7]. Сюжет «Пушинки» скрывал, а отчасти и обнажал и другие истории, больно ранившие своим пронзительным трагизмом. Подобных жизненных перипетий отражено в русской и иноязычной прозе и драматургии (не только о войне) немало. Они носят, как правило, характер конкретных проявлений безнравственности того или иного лица. Обобщающий сюжет в лаконичном стихотворении Сумбатова выпукло представлен как символ, который заостряет саму по себе проблему жалости к злодею, в

* На эту тему уже приходилось выступать с докладом на Никитских чтениях в связи с образной системой драматической поэмы «Распятие». Сцены из истории испанской инквизиции создавались в диалоге с книгой И.А.Ильина «О сопротивлении злу силой» (1925).

результате которой окрепший «враг» подавляет собой добро и красоту.

Есть в мире чья-то воля злая, —
Зло под добром укрыто в ней, —
И часто губим мы друзей,
Врагов от гибели спасая [1, с. 177].

Проблема цели бытия, хотя и не вполне преднамеренной, но верной, была выделена Сумбатовым в конце жизненного пути как самостоятельная, кардинально важная. И, как ни удивительно, решена позитивно, в отличие, скажем, от лирических обобщений в «Думах», написанных в 1920-е годы. Тупик бессмысленности поэтом-мыслителем преодолён — как верующим, сознающим неизменный смысл, заботу Господа о спасительной направленности течения времен.

Специально акцентированной теме в конце жизненного и творческого пути Сумбатовым посвящено стихотворение, в котором сам заголовок носит название «К цели». Текст был опубликован впервые в журнале «Современник» (Торонто, 1975, № 28-29. С. 125-126). Поэт обыгрывает укоренившееся в различных культурах уподобление человеческой жизни, точнее, души человека, — реке, которая течет во все времена года по предназначенному ей руслу. Вероятно, стихотворение вдохновлено многими символическими образами, созданными поэтами и прозаиками. Вспомним толстовское эссе внутри автобиографических заметок — «Люди как реки...», блоковское из цикла «На поле Куликовом» — «Река раскинулась, течет, грустит лениво...». Прочитавшем сумбатовские строчки:

Когда спокойна гладь реки, —
В ней всё находит отраженье:
Шатёр небес, покой, движенье,
Леса, кусты и тростники [1, с. 355].

Скрывает береговую красоту от зеркальной поверхности реки ночная тьма, туман, зимний холод, сковывающий ее поверхность льдом, но эти препятствия не могут укротить ее неостановимого движения: «Она течёт вперёд, вперёд»,

В затишье, в бурю, ночью, днём,
Под зноом, под бичом метели —
Она к своей стремится цели
Своим испытанным путём [1, с. 356].

Пять строф посвящено размышлениям о своеобразии и постоянстве течения реки, затем идет разъяснение притчевого смысла, который скрывается за описанием течения воды по предназначенному маршруту.

Не так ли чуткая душа
Все краски жизни отражает,
Но направленья не меняет
К предвечной истине спеша? [1, с. 356].

Заметим, что речь идет не просто о человеке, но о «чуткой душе» художника, призванного передать «краски жизни». Если для реки характерно *теченье*, то для души — *полет*. Препятствием для отражения небес или прибрежных пейзажей реки являются волны, вызванные непогодой или судами, а верное отражение человеческой душой реальности искажается гневом или сомнением. Итоги собственного жиз-

ненного пути убеждают поэта в необратимости и безальтернативности движения по предначертанному пути.

Но продолжается полёт,
Светла ль душа или уныла —
И никакая злая сила
Её с дороги не собьёт [1, с. 356].

Центром проблемы осмысления цели существования человека и движения истории для Сумбатова была судьба России, ее неровное движение по всемирной дороге бытия, суровое по отношению к целому поколению сограждан. Катаклизмы, свидетелем которых был поэт, не внушали облегченно-оптимистических ожиданий:

Глядится будущее грозно
Сквозь арку завтрашнего дня [5, с. 111].

Но поэта не оставляло чувство высокого призвания, провиденциально предусмотренной цели, к которой Россия идет своим драматическим путем:

Пусть снова русский дух воспрянет,
Не умерла Россия, — нет, —
Она жива и ждёт побед,
Она восстанет вновь из хлама
Чужих навязанных идей
И свергнет иго злого хама <...>! [5, с. 111].

В течение многих лет жизни в условиях эмиграции Сумбатов осмысливал многие религиозно-философские и социально-нравственные вопросы и нашёл для их воплощения в творчестве многочисленные формы, явленные в различных жанровых модификациях, разновидностях строфики, ритмико-интонационного строя, композиционных и образно-эстетических решениях. Проблема смысла и цели человеческой жизни представляет собой одну из стержневых проблем его наследия, определяющих своеобразие художественного мира, его религиозно-философскую значимость.

1. Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / Сост. Л.Ф.Алексеевой; науч. ред., подгот. текста В.А.Резвого; предисл., биограф. справка С.Гардзонио; примеч. Л.Ф.Алексеевой, С.Гардзонио, В.А.Резвого. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. 408 с. (Русская Италия).
2. Сумбатов В.А. Голоса тишины; К *** («Ты — белоствольная берёза...»); Думы [и др.] // Очерки литературы Русского зарубежья: Межвуз. сб. тр. Вып. 2. [Сост. Л.А.Смирнова]. М.: Московский педагогический университет, 2000. С. 117-135.
3. Дар сокровенный: Молитвослов православного христианина. Минск: Харвест, 2005. 640 с.
4. Сумбатов В.А. Стансы // «Новое время». Белград, 1928. 7 апреля. № 2081.
5. Сумбатов В.А. Русская Держава (Роман в стихах) // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Междунар. науч. конф.: Москва, МГОУ, 27—28 июня 2005 г. Вып. 3. Ч. 1. Литература Русского зарубежья. Приложение. / Ред.-сост. Л.Ф.Алексеева. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 107-151.
6. Талалай М.Г. Русские участники Итальянской войны 1943—1945: партизаны, казаки, легионеры. М.: ООО «Старая Басманная», 2015. 408 с.
7. РГАЛИ. Ф. № 2598: А.Н.Флейшер.

References

1. Sumbatov V.A. Prozrachnaya t'ma: Sbranie stikhotvoreny

-
- [Transparent darkness: Collected Poems / Comp. by L.F.Alekseeva]. Pisa; Moscow, 2006. 408 p.
2. Sumbatov V.A. Golosa tishiny i dr. [Voices of silence; К*** (“You are a white-barked birch ...”); Duma and others]. Coll. of papers “Ocherki literatury Russkogo zarubezh'ya”, iss. 2. Moscow, 2000, pp. 117-135.
  3. Dar sokrovennyy: Molitvoslov pravoslavnogo khristianina [Hidden gift: Orthodox Christian prayer]. Minsk, 2005. 640 p.
  4. Sumbatov V.A. Stansy [Stanzas]. “Novoe vremya”. Belgrad, 1928, 7 aprelya, no. 2081.
  5. Sumbatov V.A. Russkaya Derzhava (Roman v stikhakh) [Russian power (novel in verse)]. Coll. of papers “Maloizvestnye stranitsy i novye kontseptsii istorii russkoy literatury XX veka, iss. 3, part. 1: Literatura Russkogo zarubezh'ya. Prilozhenie. Moscow, 2006, pp. 107-151.
  6. Talalay M.G. Russkie uchastniki Ital'yanskoy voyny 1943—1945: partizany, kazaki, legionery [Russian participants of the Italian War 1943-1945: the guerrillas, the Cossacks, the legionnaires]. Moscow, 2015. 408 p.
  7. RSALA, fund no. 2598: A.N.Fleysher.